

ТАТЬЯНА КУПОР

ПРОКЛЯТЫИ
ЛЮБОВЬЮ

18+

Annotation

Роман Вершинский возвращается домой, чтобы отомстить бывшей невесте Маргарите. Его дом становится похожим на склеп, в котором обитают призраки. Запретная любовь к Маргарите переплетается с ненавистью, и семейное проклятие начинает сбываться... Приквел к книге "Красота как наказание".

Татьяна Купор

Проклятый любовью

Два силуэта в скорбной тиши

– Хозяйка встретит нас у ворот.

Белая, слегка забрызганная грязью машина выехала на проселочную дорогу. На переднем сидении находилась рыжеволосая девушка, которая с любопытством глядела по сторонам.

– Дом расположен вдали от всех коттеджей. Прямо у самого леса. Тебе не кажется это странным?

– А что странного? – хмыкнул в ответ мужчина, сидевший за рулем. – Нас предупредили, что он расположен обособленно. Ты же сама искала место для творческого вдохновения. По-моему, это именно то, что нам нужно.

– Да, верно. Шикарный лес и никакой цивилизации. Я уже чувствую прилив сил. И вижу бордовые стены. Вон там. – Она указала вдаль, вглядываясь в просветы между ветвей. – Мне пока все нравится.

Эля – так звали девушку – ощутила легкую дрожь в пальцах. Захотелось скорее запечатлеть прекрасный вид из окна машины. Она не стала сдерживать свой порыв. Вынула из рюкзака фотокамеру и начала делать снимки.

– Местные жители рассказывают страшную историю этого дома, – сказал мужчина с легкой усмешкой в голосе.

– Да? И что говорят?

– Как я понял, он долгое время принадлежал семье Вершинских...

– Вершинских? – Девушка на мгновение опустила камеру и нахмурилась. – Не владельцы ли свадебных салонов? В интернете постоянно мелькает о них реклама.

– Ага, тех самых. Только я не совсем понял. Они владели свадебными салонами, а примерно пять лет назад открыли похоронные бюро. А теперь возобновили свадебный бизнес.

– Да, у каждого свои причуды, – хмыкнула Эля. – Ну, и что здесь страшного?

Она снова защелкала фотокамерой.

– Страшно то, что, говорят, здесь произошло убийство. Вернее, убили молодую девушку как раз в том доме, который мы собираемся купить. И это сделал ее собственный брат.

Эля посмотрела на спутника широко открытыми глазами, но ничего не сказала. Затем принялась просматривать сделанные фотографии. Удовлетворенно улыбнувшись, она подняла голову и увидела большой дом, облицованный бордовым кирпичом. Машина остановилась у высокого забора.

– Кирилл, все это глупости. Мне кажется, нас специально пугают, чтобы мы ничего не купили. – Эля вышла из автомобиля, мужчина сделал то же самое. – Ты только взгляни, как здесь шикарно! Вполне возможно, что хозяйке хотят насолить из зависти.

– Может быть, может быть, – задумчиво пробормотал Кирилл.

Как и было условлено, хозяйка дома ждала их у калитки. Она задумчиво и устало смотрела на темные окна и никак не реагировала на их возбужденные голоса. Ее стройная фигурка была облачена в светлое платье до колен. На шее болтался невзрачный шарф. Она стояла к гостям спиной, и они не видели ее лица. Только волосы. Седые волосы чуть ниже плеч.

– Это она? – шепотом спросила Эля.

Кирилл кивнул.

– Ты говорил, что она молодая. По-моему, эта вообще бабуля.

– Голос был бодрым и оживленным... Я думал, ей не больше тридцати.

– Странно.

Они подошли ближе, и женщина наконец обернулась. Эля и Кирилл удивились. Седые волосы никак не вписывались в ее приятный облик. Милое лицо с едва заметным румянцем на щеках, ясные глаза, аккуратные губы. На вид ей было действительно не больше тридцати лет. Такая молодая, привлекательная, но седая. В добром взгляде угадывалась затаенная печаль. Как будто в самом укромном уголке ее души жила боль. Элю настолько поразила эта женщина, что ей захотелось немедленно запечатлеть ее образ на пленку. Но она лишь нервно поправила ремень фотоаппарата.

– Добрый день! Вы – Щегловы?

– Да. А вы Анна Лескова, правильно?

– Совершенно верно. Я рада, что вы приехали. Что ж, пойдете в дом. Я заварю вам чай, заодно все посмотрите.

В звонком голосе чувствовалась улыбка. Молодая пара не стала возражать. Дорога была дальняя, выматывающая, они уже успели пять раз поссориться и помириться. Хотелось отдохнуть и восстановить силы. Но, несмотря на усталость, Эля чувствовала прилив творческого вдохновения. До тех пор, пока не переступила порог дома.

Внешне он ей понравился. Безмолвный и равнодушный, этот дом был одновременно и притягательным, и зловещим. Но что-то неуловимо печальное чувствовалось в трещинках бордовых стен. Какая-то эфемерная грусть была заложена в его прочном фундаменте.

Щелкнул замок, и Анна посторонилась, пропуская путников в просторную гостиную. Эля прикоснулась к двери и почувствовала головокружение. А когда вошла, то немедленно захотела вернуться в машину, но пересилила себя. Оглядевшись по сторонам, она ужаснулась: здесь все было сделано в траурном черном цвете. Это шутка? Эля переглянулась с Кириллом, но тот ничего не сказал.

Нет, ей не показалось. Повсюду черный цвет. Сердце сдавило чувство необъяснимой тоски. Она пыталась понять, почему так дрожит, ведь дело не только в цвете, есть что-то еще! Неведомое, неуловимое, притягательно-опасное.

«Ладно, хватит, успокойся! – приказала девушка себе. – Может, это какой-то трюк. Хозяйка хочет произвести впечатление. Скорее всего, другие комнаты светлые и не такие унылые. Не буду делать поспешных выводов».

Анна по-прежнему оставалась немногословной и невозмутимой. В глазах все так же таилась печаль, а выражение лица было безмятежно спокойным.

«Это трюк, однозначно», – подумала Эля и ощутила, как вспотели ладони от волнения.

Прошло около получаса, пока гости осмотрели комнаты. Они уже сидели на кухне и пили ароматный чай, поддерживая непринужденную беседу. Эля расстроилась. Из многочисленных комнат только кухня оказалась более-менее уютной и светлой. Весь дом был погружен в скорбный черный цвет. Почему? Это что-то означает? Вопреки здравому смыслу девушке хотелось это выяснить. Странная угнетенность не покидала ее, при каждом вздохе все сильнее проникала в каждый нерв, мышцу, кость, вызывала сильную усталость. Атмосфера в доме была тяжелой.

– Место и вправду очень живописное! – восторженно сказал Кирилл, с аппетитом запивая чаем пышную булочку.

– Только дом очень мрачный, – не сдержавшись, съехидничала Эля. Она почувствовала внезапное раздражение из-за того, что молодому человеку здесь понравилось. Понравилось! Здесь! Сказать, что это ее поразило, значит, ничего не сказать. Наоборот, такая обстановка только отталкивала. Стены комнат давили и как будто сужались.

– Это верно, – голос Анны даже не дрогнул.

– Не хотите объяснить, почему?

– Мой муж любил готический стиль, только и всего.

– А по-моему, все очень здорово и необычно! – попытался разрядить обстановку Кирилл, но Эля сдвинула брови, и он замолчал.

– О вашем доме рассказывают ужасные вещи, – начала было девушка, но Анна ее перебила:

– Да-да, я знаю. Брат убил сестру. Или сестра брата? А, может, ее жених?

На лице хозяйки вдруг появилась ехидная улыбка. Черты лица оживились, а глаза заблестели от непролитых слез.

– Это ваше дело: хотите – верьте, хотите – нет, – продолжила она, отодвинув чашку. Резкий звон посуды прозвучал оглушительно громко в тишине дома. – Думайте, решайте. Мой номер вы знаете, я всегда на связи.

Намек был ясен. Эля сделала несколько плотков остывшего чая и заторопилась к двери. Кирилл неохотно последовал за ней. В гостиной он на минуту замер у окна:

– Нет, ты только посмотри, какой великолепный вид!

Эля поджала губы, но промолчала. Сосны раскачивались и размешивали серое небо угрюмыми кронами. Но было что-то мрачно прекрасное в этой скорбной тиши. Как будто время остановило здесь свой бег. И отголоски прошлого эхом проносились в окрестностях этого дома.

Девушка все-таки не удержалась, достала камеру и сделала пару щелчков. Затем рассеянно попрощалась с Анной и залезла в машину.

– Ты можешь хоть на минуту оторваться от своего фотоаппарата? – заворчал Кирилл. – Я хотел обсудить с тобой сегодняшней просмотр.

– Сейчас, подожди еще секундочку...

На мониторе отобразился последний кадр. Эля внимательно поглядела на фотографию и тут же закричала от ужаса.

На фоне величественного леса застыли два нечетких силуэта. Один мужской, второй – женский. Они с трудом угадывались на фотографии, потому что были какими-то прозрачными и... бестелесными.

Призраки. На пленку попали *призраки.*

Ее камера засняла то, что не успело уловить человеческое зрение...

Девочка с синими глазами

Это пройдет. Синяки никто не увидит. Только бы поскорее выпустили из комнаты! Он больше никогда не будет злить деда. Сделает все, что тот ему скажет. Лишь бы опять не оказаться в такой неприятной ситуации, как сегодня.

Эта страшная картина все еще стояла перед глазами. Вот его властно вытягивают из теплой постели, – на часах четыре утра, – грубо вгвалкивают на заднее сидение автомобиля и везут в офис. Там он подолгу наблюдает за работой деда и параллельно зазубривает все, что написано в «нужной» книжке. Не дай бог что-то сказать неправильно – дед сразу же оттаскает его за волосы и оставит без еды. На старика не действуют ни слезы, ни просьбы. Потом к обеду они возвращаются домой, и пытка продолжается. Дед, как всегда, все полностью контролирует и заставляет Романа заниматься до изнеможения, не прерываясь на отдых и детские развлечения.

Он с самого первого дня возненавидел эти уроки, которые длились по несколько часов. Старик не разрешал не только сесть, но даже облокотиться на стол. Роман подолгу стоял, как истукан, вытянувшись по-военному, и боялся запнуться и что-то забыть.

Сегодня дед снова его ругал:

– Ты должен учиться лучше! Я не доверю бизнес тупице. Учись усердней!

Ему было наплевать, что у Романа затекла спина и болели глаза от усталости. Старик только со злостью толкнул его. Мальчик упал и ударился головой о деревянный пол. В глазах зашипало от слез. Но он не успел даже всхлипнуть. Дед рывком поднял его и с силой оттолкнул к двери спальни. Колючий взгляд обжег внутренности.

– Бестолочь! Ты ни на что не способен! И почему эта идиотка не смогла родить еще одного наследника? От ее смерти и то толку больше, чем от жизни!

Грубые слова о матери сдавили сердце так сильно, что Роману стало нечем дышать, а свет моментально померк перед глазами.

– Убирайся отсюда! Весь день просидишь без еды. Может, поумнеешь!

И вот уже несколько часов подряд Роман сидел в своей комнате в тягостной тишине и мрачном одиночестве. Он ждал, когда наступит темнота, чтобы молочно-призрачный свет луны залил комнату и посеребрил прозрачные занавески. Роман любил немоту одиноких ночей. Темнота оберегала от всех забот и невзгод, которые сулил ему новый день. Опершись головою на обе руки, мальчик с тоской смотрел в окно и начинал мечтать.

Когда-нибудь он вырвется из этого ада и одиночества. Когда-нибудь докажет деду, что способен на большее!

Роман не помнил, сколько времени просидел у окна, борясь с ощущением тоски и чувством голода. Кажется, он даже задремал прямо на подоконнике. Скрежет ключа в замочной скважине разбудил его. Мальчик испуганно вскочил на ноги и принялся протирать заспанные глаза.

В дверном проеме застыл отец. Роман тут же бросился ему на шею с радостными возгласами. Тот поинтересовался:

– Что за синяки?

– Да так, пустяки.

Роман боялся признаться, что дед жестоко с ним обращается. Отец часто ездил в командировки и почти не бывал дома. Напряженная работа, связанная с развитием сети

свадебных салонов, которыми владела семья Вершинских, отнимала у него слишком много времени и сил. Станислав Игоревич обычно спал по три-четыре часа в сутки и просто физически не успевал заниматься воспитанием сына. Так что вряд ли он смог бы остановить своего тестя и чем-то помочь. Роман это понимал, поэтому ни в чем не признавался.

– Пойдем. У меня есть кое-какие новости.

Дойдя с сыном до гостиной, отец вышел. Воспользовавшись моментом, Роман с жадностью накинулся на еду, словно голодал несколько лет. За дверью раздались приглушенные голоса, которые заставили его оторваться от трапезы. Через минуту дверь гостиной распахнулась, и в комнате снова появился Станислав Игоревич.

– Проходи, не стесняйся, – сказал отец смутно знакомой темноволосой девочке, которую держал под руку. На вид ей было лет двенадцать. Синие глаза, выглядывающие из-под низко надвинутого черного платка, как-то особенно выделялись во всем ее облике. Следом за ними вошла домработница Елена.

Роман встал из-за стола и приблизился к девочке. Сердце его странно дрогнуло, когда он взглянул в эти глаза.

– Рома, ты помнишь Маргариту, свою двоюродную сестру? – спросил Станислав Игоревич.

– Да. Как же давно мы не виделись!

Тетя Инна, мама Маргариты, не любила приезжать сюда.

– Почему ты так странно одета? Во все черное? – поинтересовался мальчик.

Домработница неожиданно всхлипнула. Роман недоуменно взглянул на нее, потом посмотрел на отца, который деликатно молчал.

– Я спросил что-то не то?

Маргарита расплакалась и, сорвав с головы платок, прижала его к лицу. Густые пряди темных волос в беспорядке рассыпались по плечам, делая ее еще красивей.

Станислав Игоревич осторожно отвел сына в противоположный угол комнаты и тихо сказал:

– Дядя Сергей и Виталик, брат Маргариты, несколько дней назад погибли в автокатастрофе.

– А тетя Инна?

– Она чудом осталась жива, но, к сожалению, получила очень много травм. Не может ни ходить, ни говорить. Она не в состоянии воспитывать Маргариту. Поэтому девочка будет жить у нас.

– А с ней все в порядке? Она же не пострадала, правда?

– Не пострадала. В день аварии Маргарита поссорилась с братом и не поехала с семьей, чем спасла себе жизнь.

Так эта девочка с ясными синими глазами и темной копной волос стала жить в их доме. Роман наблюдал за ней украдкой, не решался подойти и завести разговор. Она казалась такой нереальной, фантастической. Только прикоснись – и она упорхнет, как птичка. Неразговорчивая и стеснительная, девочка редко выходила из комнаты. Впрочем, как и он.

Однажды дед отругал Маргариту из-за какого-то пустяка и уже замахнулся, чтобы ее ударить, но вовремя подоспевший Роман принял удар на себя.

– Защищаешь эту иждивенку? Проваливай, пока я окончательно не вышел из себя! – взвился старик.

Но Роман не отступил. Он чувствовал дрожь во всем теле, словно запертая в нем душа

отчаянно билась о стенки плоти, с чем-то сражаясь там, внутри. Он думал, что после смерти матери разучился любить и сострадать, что сердце зачерствело и покрылось коркой льда.

А Маргарита излучала тот самый свет, которого ему так не хватало. И Роман хотел защитить ее от окружающего зла, ведь собственную мать уберечь не смог...

– Оставь ее в покое! – с неожиданной смелостью выпалил он. – Она моя сестра, и я буду защищать ее!

В тот день Роман получил хорошую оплеуху, зато понял, что дед не всемогущ и рано или поздно он сможет дать ему отпор. Лучшей наградой для него были объятия Маргариты, такие доверчивые и нежные, словно он был скалой, ограждающей ее от жестокого мира. И эти слезы в ее глазах, искренние, чистые слезы... Они задели его за живое. За всю свою жизнь он видел доброту и искренность только от матери, но она оказалась слишком хрупкой для этого мира...

Маргарита... Девочка с синими глазами, оставившая след в его измученной душе, от которого будет непросто избавиться. Только если вырвать сердце из груди!

Шло время. Роман не понимал, что с ним происходит. Ему недавно исполнилось четырнадцать, и он чувствовал непреодолимую тягу к своей сестре. Все время искал Маргариту глазами, постоянно думал о ней, но все никак не решался заговорить. Было стыдно от того, что его постоянно унижает дед. Он отчаянно пытался подавить в себе страх перед ним, и постепенно это чувство заменило другое, более сильное и разрушительное. *Ненависть.*

Дед отнял у него мать, даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти ее... Именно он виноват в том, что Роману все время снятся кошмары; что он слышит странный женский голос, который зовет его по имени; что он не может вести нормальную жизнь, как его сверстники. Ему хотелось, чтобы старик ушел и больше никогда не вернулся.

А между тем мягкое и ненавязчивое общение с сестрой плавно перерастало в крепкую дружбу. Они часто проводили дни в маленькой часовне, которая находилась на месте заброшенной деревни, но была еще в хорошем состоянии. Как только дед отлучался по делам, они тут же убегали туда из дома. Подолгу болтали, узнавая друг друга все лучше и лучше. Роман очень привязался к сестре, и это влечение было отнюдь не братским. Его интересовал не только внутренний мир Маргариты, но и ее губы, глаза и руки. Хотелось чаще к ней прикасаться, ощущать бесподобный аромат ее волос, чувствовать жар ее тела.

Он ревностно хранил в памяти те ночи, когда она, испуганно озираясь, приходила в его спальню. Говорила, что по дому ходят призраки и просила защитить ее. Тогда они часами болтали, глядя на звездное небо. А потом она, сраженная сном, засыпала на его плече. А он гладил ее по мягким волосам и мечтал, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

С каждым годом странная привязанность к сестре становилась только крепче. Маргарита дарила ему покой и утешение, хотя сама часто грустила, не могла смириться со смертью родственников. Иногда она говорила о них, затрагивала тему бытия. И как-то Роман поделился с ней своими мыслями:

– Я не хочу попасть в рай.

– Почему? – удивленно спросила Маргарита.

– А что там делать? Скучотища. Я не могу похвастаться добрыми делами.

– Не говори так!

– Вот ад – другое дело. Только представь, сколько там грешников, сколько интересных историй можно услышать! Каждый получит свое наказание. Люди будут задыхаться и

кричать от боли, но их никто не услышит...

Маргарита опустила глаза, но ничего не сказала.

Так проходили годы. Красота Маргариты расцвела, как прекрасный бутон. Черты лица стали тоньше и нежнее, а в синеве глаз засверкали искорки. Ей было уже шестнадцать, когда в их жизни появился Нестор, друг детства ее погибшего брата.

Роману сразу не понравился этот парень. Он казался ему чересчур задумчивым и серьезным. Нестор часто приходил к Марго, но общаться с ее двоюродным братом не стремился. Рядом с ним она часто смеялась, и ее смех нежными колокольчиками звенел в доме. Более того, новый друг отнимал у нее почти все свободное время, и это очень злило Романа.

В один из дней он не смог сдержать негодования. Столкнувшись в коридоре с Маргаритой, схватил ее за плечи и выпалил:

– Скажи, чем тебя зацепил этот Нестор?

– Тем, что он *другой*, – ответила она, даже не дрогнув под тяжестью его взгляда.

Он продолжал наблюдать за ними с неукротимой ревностью. Пытался разобраться, что же в Несторе есть такого, чего нет у него. Но так и не понял. А Маргарита неумолимо ускользала, казалось, еще чуть-чуть, и Роман потеряет ее навсегда. А может, она просто не догадывается о его чувствах? Если он во всем ей признается, возможно, многое изменится?..

Но не успел он додумать эту мысль, как в его голове сразу же вспыхнул образ матери, а в ушах загремели ее страшные слова: «Ты не должен ни в кого влюбляться. Живи для себя. Любовь – это наше проклятие. Проклятие семьи Вершинских».

Шесть шагов к одиночеству

– Рома-ан... Рома-ан...

Неистовый ветер завыл во мгле, разгоняя глухое карканье ворон, и невидимой рукой распахнул окно. Приятный женский голос прорвался сквозь плотную завесу дождя. Завораживающий, гипнотический, проникающий в самую душу.

– Рома-ан...

До боли знакомый голос, который вот уже несколько лет преследует его повсюду, зовет с самого детства. Туда, в темноту. В глубину грозного темного леса. Увлекает за собой. Так завораживает только шум воды. Хочется слушать и слушать.

Этот голос похож на голос матери.

Роман подошел к окну и посмотрел вдаль. Под проливным дождем мокли верхушки деревьев, а их тонкие стволы зябко жались друг к другу под порывами ветра. Он уносил слова. А дождь смывал образ той, которая его звала...

Роман был уверен, что видел женскую фигуру вдалеке. На мгновение, лишь на долю секунды. Кажется, у нее были длинные волосы и стройная фигура. А потом она растаяла в легкой дымке, превратилась во множество воронов, которые тут же взметнулись ввысь и устремились к лесу, прорезая воздух могучими крыльями.

Фантом. Плод его больного воображения, и только. Просто он хочет воскресить мать и укрыться от злого мира за ее хрупкой спиной. Вот почему он видит и слышит эту женщину. Память сохранила яркий образ самого дорогого человека, который слишком рано покинул его...

Страх по-прежнему скользкой змеей опутывал его сердце и коварно нашептывал, что любимые умирают... Под грузом дневных забот тяжелые мысли отступали, но по ночам... По ночам змея обвивалась вокруг него, сдавливала тугими кольцами, и шептала о том, что он потерял, и что еще может потерять. Порою страх становился таким сильным, что Роман долго не мог уснуть.

«Я должен отпустить ее. Она умерла, и с этим надо смириться!» – подумал Роман и нахмурился, пытаясь разглядеть в предрассветных сумерках женский силуэт.

Но там никого не было.

Он с трудом дождался утра. Когда увидел из окна выезжающую со двора машину, почувствовал, как по жилам разливается приятное тепло. Один день свободы. Сутки без боли и унижений. Он должен поговорить с Маргаритой и рассказать о своих чувствах.

От стены до стены шесть шагов. Сердцу в груди стало невыносимо тесно. Шесть шагов. Туда-сюда, туда-сюда.

– Маргарита, нам надо поговорить.

Такая простая фраза. Но сказать невероятно тяжело. Сейчас, когда она спустится... Он посмотрит в ее глаза, увидит в них самое дно ее души. Произнесет прогорклые слова. Но что она ответит?

От стены до стены шесть шагов. Шесть скрипучих ступенек. Бесконечных.

Спустился вниз и начал ходить из угла в угол.

Раз, два, три...

Спиной ощутил ее взгляд. Почти интуитивно уловил легкие шаги. Медленно повернулся.

Маргарита уже стояла посреди гостиной, задумчиво печальная и запретно притягательная... Наверное, и вправду ни о чем не догадывается. Представить не может, что его привязанность к ней так пугающе сильна, что выкручивает позвоночник. Жадно очертил взглядом ее красивое лицо, изгиб молочной шеи и ключицу с беззащитной ямкой. Почувствовал, как перехватило дыхание.

– Маргарита...

Его горло дрогнуло, сдерживая слова.

Неуемный ветер так и завывал за окном, выворачивая душу наизнанку. От стены до стены шесть шагов. Она следила взглядом за тем, как он нервно ходит из угла в угол. Но Роман не мог остановиться.

– Мне тяжело сдерживать это внутри себя, Марго, – признался он и, наконец, замер у дальней стены. Злые глаза деда презрительно глядели на него с полотна картины. – Я должен сказать тебе...

– Что случилось?

Голос по-прежнему тихий, спокойный. С легкими нотками недоумения. Но это ее «что случилось» как раскаленное острие ножа. Вошло в самое сердце и причинило сильную боль. Она должна знать, какое сильное чувство сжигает его изнутри. Пришло время во всем признаться.

– Давай присядем.

Шесть шагов. От стены до стены. До нее. Шесть шагов, которые казались просто бесконечными. Роман с трудом преодолел расстояние между ними, опустился на диван, скрестил руки на груди. Маргарита села рядом. Она сейчас была так близко – родная, любимая, – что кончики ее темных, слегка вьющихся волос падали ему на правое плечо.

Тишина умиротворяла, приносила покой. Так и просидел бы рядом с нею до самой старости. Но время безжалостно истекло, а еще нужно было так много сказать!

– Послушай...

Роман прикоснулся к ее высокой скуле, оставляя отпечаток.

– Ты должна знать, что я... Я люблю тебя.

Он внимательно глядел в ее глаза. В эти два чистых озера, два бездонных колодца, в которых плескалась жизнь.

– Я понимаю, – сбивчиво произнесла она, пряча взгляд. – С самого первого дня мы почувствовали друг к другу симпатию. Это нормально. Ты – мой брат, моя опора и защита. А я твоя сестра. Мы должны поддерживать друг друга, заботиться, оберегать... Так и должно быть.

Она говорила еще много разных слов, сбивчивых, отрывистых и ненужных. Но Роман чувствовал, что думает она о чем-то другом. Что эти торопливые слова лишь барьер, за которым она хочет укрыться. Так что же на самом деле она пытается ему сказать?

– Маргарита...

– Было бы хуже, если бы мы ненавидели друг друга, пытались испортить жизнь...

– Маргарита!

Он обхватил ее лицо руками, заставил снова взглянуть на себя. В ее глазах стояли слезы.

– Маргарита?..

Она вдруг порывисто обняла его, прижала голову к его широкой груди и заплакала. Роман ошеломленно сжимал ее дрожащие плечи и пытался понять, что происходит.

– Никогда не говори так, – сказала она сквозь рыдания. – Слышишь? Никогда! Нам

нельзя, понимаешь? Нельзя любить друг друга!

– Нам?

Он посмотрел на нее. Глаза Маргариты заблестели, щеки разругались, длинные волосы растрепались. Такая настоящая. Такая живая. Не плод его фантазий. Не игра воображения. Реальная.

– Ты сказала «нам»? – с надеждой переспросил он.

Она сдвинула брови и слегка опустила уголки губ. Снова собралась плакать. Роман проникновенно прижал ее к себе, коснулся горячей ладонью спутанных волос, погладил Маргариту по голове.

Убаюкивающая тишина снова воцарилась в комнате. Ветер утих и скрылся, словно не хотел прервать волнующий разговор. Только часы продолжали мерно тикать, напоминая, что за пределами этой комнаты тоже есть жизнь.

– Я люблю тебя, – сказала Маргарита, и ее плечи под его пальцами снова задрожали. – Знаю, что нельзя, знаю, что буду страдать. Я как будто сжимаю в ладони раскаленный уголек и пытаюсь согреться.

«Каждый день я твержу себе одно и то же: нельзя любить собственного брата, нельзя любить собственного брата! – чуть позже запишет в своем дневнике Маргарита. – Я пытаюсь бежать от этих чувств, бежать изо всех сил, как можно дальше; мой разум отчаянно спорит с сердцем, но все время проигрывает в этой схватке. Я боюсь представить, что будет, если все вокруг об этом узнают... Поэтому продолжаю бежать по замкнутому кругу».

Она вдруг оттолкнула его и сделала шаг к двери, но пораженный Роман удержал ее за руки.

– Подожди!

Она замерла. Слово дышать перестала. Он поднялся, чувствуя, что тишина теперь давит ему на плечи. Руки ее такие холодные, а в крови, наверное, огонь. Она любит его, – вот главное. Остальное неважно. Милая его девочка... Теперь все будет иначе. Осознание того, что он нужен и любим ею, давало ему силы. Любовь подарила ему крылья. Теперь он сможет все. Теперь закончится боль и одиночество. Он больше не будет терпеть унижения и издевательства от деда. Любовь вознесла его, и он перестал бояться реальности.

– Подожди, любимая... Прошу тебя.

Один шаг – и он оказался рядом. Почти вплотную. Даже почувствовал жар ее тела, который сводил с ума. Положил левую руку на ее талию и ощутил тонкую ткань платья. Забыл, как дышать.

– Не нужно бояться своих чувств, – произнес Роман. – Я постараюсь убедить родных. А если не получится, то порву с семьей, но не оставлю тебя. Никогда, слышишь, я не оставлю тебя! Даже когда это никчемное тело истлеет и останутся одни кости, мой дух все равно последует за тобой.

Любовь вознесла его. Но в этом взлете уже был вещий признак падения.

– Нам нельзя любить, Роман, – прошептала она и снова дернулась, чтобы уйти. Но его рука крепко держала ее за талию. Как же она близко. Опасно близко. От аромата ее волос сводило скулы.

– Почему?

– Все так говорят.

– Ты сама себе все придумала! Ученые до сих пор спорят, опасны ли отношения между двоюродными родственниками. Все не так однозначно, пойми. Мы докажем, что тоже имеем право любить. Маргарита! Ты слышишь меня?

Девушка медленно повернулась, упрямо замотала головой.

– Нельзя. Мы не можем.

Это последнее, что она сказала. Как приговор вынесла. Собственноручно приготовила для него гильотину. Он с болью смотрел, как испуганно она отступает к двери, видел страх в ее глазах. Страх от осознания собственных чувств, страх греха. На миг почувствовал себя змеем-искусителем, пытающимся соблазнить Еву.

– Подожди! Маргарита!

Роман сделал еще три шага и оказался у запертой двери. Услышал, как торопливо она спускается по ступенькам крыльца, стучит каблуками по плитке во дворе. И вместе с этим гулким стуком в его голове гремели ее слова: *«Нельзя. Мы не можем»*.

Шесть шагов. Шесть шагов к одиночеству. От стены до стены. Все здесь пропитано болью и отчаяньем. Еще чуть-чуть, и дом раздавит своих обитателей устрашающей мощью...

На следующий день дед по каким-то причинам не вернулся. Роман вздохнул с облегчением, увидев, как из подъехавшей машины вышел один отец. Высокий, стройный, в деловом костюме, он производил впечатление решительного и уверенного в себе человека. Но мало кто знал, что в стенах этого дома Станислав Вершинский невольно опускал плечи и нервно глядел на часы, пытаясь найти повод, чтобы поскорее скрыться. Тесть удивительным образом подавлял его волю. Напускная уверенность исчезала на глазах, уступая место страху и мягкотелости.

– Ты хочешь, чтобы мальчишка остался на улице? – не раз кричал ему дед Романа в порыве злости.

– Конечно же, нет!

– Ты здесь никто, запомни! Думаешь, я не знаю, что ты женился на Оле только из-за денег? Без нее ты так бы и остался необразованным идиотом! Я дал тебе все. Терпел только из-за дочери, которая выбрала себе в мужа такого недоумка! Но теперь она умерла. И я бы с удовольствием вышвырнул тебя отсюда! Но в Романа течет кровь Вершинских, а я не вечен, и мне нужен достойный наследник. Если ты не будешь вмешиваться, я не замечу твоего присутствия. Но только пикни – по щелчку моих пальцев вылетишь отсюда! Я смешаю тебя с грязью, а мальчишка ничего не получит! Понял? Выбор за тобой.

Отец, как правило, ничего не отвечал и лишь понуро опускал голову. Роман частенько подслушивал разговоры родственников, и не раз замечал, как отец бессильно сжимал кулаки, как играли желваки на его впалых щеках. Ему хотелось понять и простить отца за его слабование. Хотелось, но не получалось. Он все еще помнил день, когда умерла мама. Помнил все, поэтому не мог простить ни отца, ни деда. И с каждым годом ненависть к ним становилась все сильнее и сильнее.

Роман стоял у окна и наблюдал, как отец выходит из машины, что-то торопливо говорит шоферу и рассеянно набрасывает пиджак на плечи в надежде спастись от яростного ветра, поднимающего пыль во дворе. Он вернулся в постель и стал прислушиваться. Может быть, отец зайдет, поздоровается с ним, спросит о самочувствии. Прошло несколько минут, но никто не заходил. Роман услышал за дверью голоса и прислушался.

– Станислав Игоревич, завтра утром меня не будет, – донесся до него голос Елены.

– Поедешь за дочкой?

– Да. Наконец-то Николай Викторович разрешил, чтобы она сюда переехала!

– Хорошо.

Голоса стихли. Роман услышал тяжелые, торопливые шаги отца, которые на секунду замерли у двери спальни. У него громко забилося сердце, и даже дрожь ожидания пронзила тело. Но Станислав Игоревич не зашел. Лишь ускорил шаг и скрылся в глубине коридора.

Роман шумно выдохнул, присел на кровать и закрыл глаза. И открыл их только тогда, когда снова услышал шаги. Тихие, легкие, почти невесомые. Такие шаги могут быть только у ангела. Едва касаются земли.

Он снова прислушался, уверенный, что они смолкнут так же, как и предыдущие.

Но вот хлопнула дверь, и он увидел Маргариту. Ее грудь вздымалась от учащенного дыхания, а руки были сжаты в кулачки.

– Хватит над ним издеваться! – выпалила она без приветствия.

– Над кем?

– Над Нестором! Я устала от твоих насмешек!

Роман и вправду не упускал случая, чтобы посмеяться или как-нибудь уколоть Нестора. Как только появлялась возможность, затевал с ним ссору, но друг Маргариты был слишком умен, и не реагировал на провокации. Чем еще сильнее злил Романа.

– Даже не проси. Пусть забудет дорогу сюда!

– Что он тебе сделал? Зачем ты нервируешь его?

Она в волнении мяла перчатки в руках. Роман встал и подошел к ней совсем близко. Ощутил знакомый аромат миндаля, которым пахла ее кожа, и прямо спросил:

– Зачем он тебе? Скажи правду. Ты же любишь меня, а не его.

Он заметил, как расширились ее зрачки, как нервно забилась вена на виске. Некоторое время они стояли напротив друг друга, в опасной близости, глядя в глаза. Слова уже были не нужны. Все говорили взгляды и жесты. Роман осторожно прикоснулся пальцами к ее виску, погладил беспокойную венку, потом спустился чуть ниже и провел ладонью по ее трепетным губам. Вся душа в нем горела. Нет, лучше не прикасаться. Это яд, текущий по жилам. Маргарита – его яд. Надо держаться от нее подальше. Сейчас Роман с трудом владел собой. Он хотел ее с силой, которая превосходила пределы разумного. Надо вырвать это проклятое чувство с корнем, без анестезии, и как можно скорее. Но это было непросто.

– Мы родственники. Родственники, – произнесла она это жальщее слово по слогам. – Ты мой брат.

– Я знаю.

– Значит, ты понимаешь, что все бессмысленно! Зачем терзать себя? Давай забудем о вчерашнем разговоре.

– Я никогда не забуду то, что ты сказала. И не смирюсь с тем, что общество против нас. Слышишь? Никогда не забуду и не смирюсь!

Маргарита со злостью бросила перчатки на пол, прямо ему под ноги.

– Нет смысла бороться!

Роман молча опустил перчатки с пола. Бросил взгляд на ее ноги, обтянутые колготками, и почувствовал, как перехватило дыхание, а к горлу подкатил ком. Вдруг захотелось обвить ее изящные колени руками и сидеть у ее ног целую вечность.

Но он поднялся. Молча протянул ей перчатки. Вернулся в постель. Сел к ней спиной и

обреченно уставился на фото, которое стояло в рамке на тумбочке. На снимке Маргарита доверчиво прижималась к его груди, а он стоял позади и обнимал сестру за плечи. Фотографу удалось уловить счастье в его темных глазах. А в ее – озорство.

Если и существует счастье, то только на фотографиях. На них оно остается навечно, а в жизни – быстротечно и переменчиво настолько, что его почти невозможно ощутить.

– Пожалуйста, оставь Нестора в покое! – Ее нежный и звонкий голос разорвал тишину.

– Никогда, – процедил он.

Маргарита ушла, громко хлопнув дверью.

Нет смысла бороться.

Леденящая, тягучая тоска. Нырнул в нее, как в колодезь. Как же невыносимо было осознавать, что кто-то счастлив, кто-то любит, когда его собственное сердце замерзло под пеплом! За окном черным покрывалом стелилась ночь, но сегодня она не утешала, не приносила покоя, а лишь усиливала тоску. Роман так сильно погрузился в свои тягостные мысли, что не сразу услышал шорох за спиной. Оглянувшись, он вздрогнул.

Рассеянный свет уличного фонаря очертил на стене контур женской фигурки. Роман вскочил, не поверив своим глазам. По коже пронесся рой колких мурашек. Тень медленно двигалась. Длинное платье развевалось, а волосы трепетали, словно та, чей силуэт он сейчас видел, не стояла, а плыла.

– Рома-ан, – услышал он приятный, обволакивающий голос, и страх холодным ужом прополз по спине. – Рома-ан...

– Кто здесь?

Бессмысленный, глупый вопрос.

Никого здесь нет. Нет.

Игра воображения? Фантазия? Галлюцинация?

Но он отчетливо видел тень на стене и слышал чудесный женский голос, похожий на серебристое журчание ручья. Тот самый голос, который начал звать его после смерти матери...

Неожиданно лампочка уличного фонаря замигала и погасла. Комната погрузилась в слепую темноту. Но ощущение чужого присутствия Романа не отпускало. Он схватился за спинку кровати и стал медленно пробираться к двери, рядом с которой находился выключатель.

– Рома-ан... – Знакомый женский голос вновь прервал пугающее беззвучие.

Нет, это не сон. Роман замер и прислушался. Ветер протяжно завывал в верхушках деревьев, словно ему было зябко в наготе сосен. Капли дождя тревожно ударялись о стекло, а из открытой форточки лилась прохлада.

Он подошел к двери и нащупал выключатель. Комната тут же озарилась ярким светом.

Никого. Только медленно открылась дверь. Невидимая гостья решила выйти?

Роман почувствовал неприятное покалывание в кончиках пальцев. Надо закрыть эту чертову дверь, захлопнуть форточку и лечь спать! Все в порядке, просто сдали нервы. Он уже схватился за ручку двери, но тело внезапно обдало холодом. Могильным холодом, который моментально опутал ноги и пригвоздил его к месту.

Судорожно дыша, Роман выглянул в коридор и увидел тень. Что за шутки? Он закрыл глаза, досчитал до десяти, снова открыл их. Силуэт не исчезал, словно поджидая его.

Идти за тенью? Бред.

Он дернул дверь, собираясь закрыть ее, но она не поддавалась. Прodelал то же самое еще раз. Дверь словно окаменела. Ни туда, ни сюда. А холод неумолимо просачивался в его тело и поселялся в костях, словно стены дома покрылись толстым слоем льда. Но на улице была осень, и все комнаты прекрасно отапливались.

Роман понял: струйки холодного воздуха расползались от тени.

Он снова услышал свое имя. Тихий, ласковый голос манил за собой, и ноги невольно понесли его в коридор. Тень скользнула вперед, и Роман, охваченный одновременно и любопытством, и ужасом, последовал за ней. В глубине души он все же надеялся, что в коридор кто-нибудь выйдет, и кошмар прекратится.

Но он шел и шел, и никто не выходил.

У входной двери Роман остановился. В гнетущей тишине раздался бой часов. Один, два, три... Каждый удар бил по голове как молотом, усиливая напряжение. Он с тревогой оглядывал дом, погруженный в сонную тьму, но тени нигде не было. «Пошутили, и хватит, – облегченно подумал он. – Надо возвращаться».

Только он повернулся обратно, как услышал глухой щелчок, напоминающий выстрел в упор. В спину сразу ударил холодный ветер, а со двора потянуло сыростью.

Входная дверь распахнулась настежь.

Роман медленно повернулся.

Никого.

На негнущихся ногах он подошел к порогу. Потoki дождя струились по ступеням крыльца и размывали землю во дворе. Похоже, дверь открылась сама по себе. «Или ее открыли», – кольнула мысль. Конечности снова начали неметь, а скулы свело от страха.

Чего же хочет эта тень? Чтобы он шел вслепую? Но куда? Зачем?

Существо словно прочитало его мысли. В следующий момент Роман заметил что-то странное. Ослепительно яркие, как ему показалось, фонари хорошо освещали эту часть двора. И он отчетливо различил отпечаток маленькой ноги, вырисовывающийся на дорожке возле крыльца.

Каждый нерв в его теле натянулся и зазвенел. Роман стоял, как столб, и ошеломленно глядел туда, где цепь огоньков разбавляла тьму и соединяла два мира вместе. Реальный и призрачный.

На земле появился еще один след и, пересилив себя, Роман двинулся вперед. Отпечатки маленьких и изящных женских ног с трудом угадывались в полумраке двора. Он шел, почти не ощущая стальных капель дождя, хотя они неприятными струйками стекали по его лицу и шее. Куда же ведут эти следы? Вопреки здравому смыслу, он хотел это знать.

К счастью, не пришлось идти в лес. Следы исчезли, когда он добрался до небольшой дубовой рощи, которая располагалась за домом. Последний нечеткий отпечаток женской ноги отобразился прямо у старого дуба. Роман остановился и недоуменно уставился на ствол дерева. Опустил взгляд ниже, но, осмотрев землю, не увидел ничего подозрительного. Потом поднял голову и прищурился. Мокрая рубашка прилипла к телу. Холодные капли яростно вонзались в спину, вызывая противную дрожь. Роман смотрел наверх, впивался взглядом в темноту, и страх стремительно перерастал в леденящий, панический ужас.

Опять галлюцинация? А как же отодвинутая щеколда на двери? Открывшийся замок?

Наверное, он сходит с ума. Чтобы убедиться в этом, Роман обошел дуб, остановился на прежнем месте и снова взглянул наверх. Но глаза не обманывали. Он действительно видел то, что видел.

На одной из веток болталась почерневшая от дождя веревка с петлей на конце. На мгновение Роману показалось, что он видит висельника. Но потом видение исчезло так же внезапно, как до этого пропали и следы. Только веревка все еще угрожающе раскачивалась на ветру.

Он постоял еще некоторое время возле дерева, но ничего странного больше не происходило. Вконец окоченев, он поспешил в дом.

Тень больше не вернулась.

Ничего не бойся

Веревки не было.

Он проспал всего лишь несколько часов, а на рассвете быстро оделся и вышел во двор. Пришел на то же место, где вчера затерялся след призрака.

Веревки не было.

Пугающая тень, призрачные следы, раскачивающаяся петля... Может, ему это приснилось? Тогда слишком уж реалистичным было сновидение. Самое обидное, что об увиденном никому нельзя рассказать. Дед сразу же отправит его в психушку, а с отцом говорить бессмысленно. Ничего, Роман сильный, справится. Пусть страх перед стариком немного притупится, и тогда он сможет защитить себя. Жажда мести не давала ему сломаться и стала тем самым стержнем, который делал его жестким и хладнокровным, но никак не загнанным и жалким. Роман надеялся, что Маргарита понимает: рано или поздно он сможет противостоять бессердечному старику.

Но Маргарита не спешила делиться с ним своими мыслями. Напрасно он искал с нею встреч, зря пытался поговорить. Теплая дружба очень быстро превратилась в отчуждение, хотя оба знали, что небезразличны друг другу. Роман во всем винил Нестора и еще сильнее возненавидел его.

Станислав Игоревич не понимал, почему он ведет себя так неприветливо с другом Марго, и однажды, не сдержавшись, сказал:

– Ты – Вершинский, помни об этом! Мы никогда не опускаемся до склочных выяснений отношений.

«Ну да, – с усмешкой подумал Роман. – Вы выясняете отношения только в стенах этого дома. Можете унижать, кричать и проклинать. Но за его пределами вы – образец добродетели. Порядочные и отзывчивые люди с блестящей репутацией. Какое лицемерие!»

Он с трудом дождался вечера. Намеренно остался сидеть в гостиной, выглядывая сестру, которая где-то пропадала. Бессмысленно бежать от своих чувств. Отчуждение не спасает, а ранит еще сильнее. Ее дружба с Нестором – ошибка, и он переубедит ее в этом.

Роман не находил себе места от нетерпения и все глядел на часы. Ревность вжималась под ребра, и он готов был на все, чтобы избавиться от ненавистного соперника. Но стрелки еле ползли, превращая ожидание в пытку. Он выглядывал из окна во двор, прислушивался к каждому шороху, мерил шагами комнату, но Маргарита не приходила.

Наконец, ближе к полночи, послышались чьи-то шаги во дворе. Ключ вошел в замок двери, затем коротко щелкнула личинка. Через несколько секунд он услышал голоса и замер на диване, весь обратившись в слух. С порога его нельзя было заметить: диван, на котором он лежал, был с довольно высокой спинкой.

– До завтра, любимая, – услышал он голос Нестора, его самого ненавистного врага. Романа передернуло от слова «любимая».

– До завтра, – прошептала Маргарита. Он осторожно выглянул из-за спинки дивана и увидел, с какой нежностью Нестор сжал тоненькую ручку его сестры. Его моментально охватила злость.

– Завтра я скажу Станиславу Игоревичу о нашем решении, – произнесла она, даже не подумав отнять руку.

– Может, лучше я? Все-таки он для тебя как родной отец теперь. Я должен попросить у

него твоей руки.

– Хорошо. Но сначала я подготовлю его к этому разговору. Но, думаю, он не станет возражать. Скорее всего, только попросит дождаться совершеннолетия, чтобы сыграть свадьбу. Знаешь, он хорошо к тебе относится. И я этому очень рада!

Роман увидел, как Нестор прижал Маргариту к себе. Ревность, вскормленная слезами и тоской, теперь как червь, грызла его душу.

– Ты не представляешь, как я счастлив от мысли, что ты станешь моей женой!

– Я тоже бесконечно счастлива, Нестор, – сказала она и обвила руками его шею.

Женой? Это слово задело его, как будто бритвой по запястью. «Господи, пусть это будет неправда! – взмолился он. – Иначе я этого не перенесу».

Роман с трудом дождался, пока закончится прощание. Как только за Нестором закрылась дверь, он выскочил из своего укрытия и схватил Маргариту за руку:

– Замуж за него собралась, да?

– Да! – смело выпалила она и посмотрела на него с недоумением. – Но тебе-то что? Нестор – хороший человек, ты можешь за меня только порадоваться. Как брат.

Последние два слова укололи сильнее всего. Роман скрипнул зубами от злости и стиснул ее руку так сильно, что она закричала от боли.

– Я не могу порадоваться, идиотка! Потому что я ревную тебя к этому недоумку. Потому что я люблю тебя, черт побери! Но, чувствую, эта любовь станет моим концом...

Маргарита всхлипнула и зажала рот ладонью свободной руки.

– Ты не можешь любить меня... – упрямо замотала головой. Снова завела свою песню. Кого она пытается в этом убедить – его или себя?

– Еще как могу!

– Не можешь. Эта любовь греховна. Ты мой двоюродный брат.

Опять заладила. Снова опустила глаза. Даже взгляд на него считала постыдным!

– Глупости! – пытался он достучаться до нее. – В Европе и сейчас не запрещены такие браки. Одно твое слово, и я заставлю всех принять наш выбор. Я переверну весь мир, но никто не посмеет нам помешать!

– Одно слово... – растерянно пробормотала она. – Мое слово: нет. Нет, Рома.

– Почему?

– Потому что... Потому что я люблю Нестора.

Слова Маргариты напоминали пощечины. Роман был готов поклясться, что чувствовал жгучие удары на своих щеках. В один миг ему захотелось передавить пальцами тонкую кость ее руки, чтобы ей стало так же больно, как и ему. Чтобы она завопила, зарыдала от боли и умоляла ее пощадить. Может быть, тогда бы ему стало легче.

Но он сдержал себя. Подошел совсем близко и процедил:

– Повтори.

Она молчала, не осмелившись отступить. Роман жестко схватил ее за подбородок и силой заставил смотреть ему в глаза.

– Повтори, что любишь его!

Но она продолжала молча его рассматривать. А он жадно следил за ее глазами. Сначала взгляд Маргариты коснулся верхней части его лица. Очертил линию его глаз и бровей, скользнул к волосам. Затем плавно и немного неуверенно переместился на его губы. Это был пламенный взгляд, который говорил о многом. Она никогда не смотрела *так* на Нестора. Только на него. И этот взгляд был красноречивее любых слов.

– Любишь его? – не сказал, почти зарычал.

– Рома... – Стон-мольба, стон-упрек вырвался из ее сладостно-запретных губ.

Нетерпеливо притянул ее к себе, так, что их губы оказались совсем близко друг к другу. Пальцами впился в ее плечи, оставляя жгучий след на нежной коже. Властно убрал волосы с лица Маргариты и увидел, как свет ласкает плавные изгибы ее тела, как мерцают гжелью ее зрачки.

– Только не ври мне, не ври, чертовка!

Прижал ее к стене и почувствовал, как она уткнулась носом в его грудь, а затем принялась неистово целовать его плечи сквозь тонкий шелк рубашки, вызывая бешеные мурашки под кожей.

– Нет, нет, нет... – шептала она. Эти поцелуи, запретные, украденные, словно закутывали его раны, словно цвели на теле прекрасными цветами. Маргарита... Маргарита... Если кто-нибудь когда-нибудь спросит о его страхах, о тайных слабостях, не раздумывая, назовет ее имя.

Наконец он сорвал с ее губ жадный, неистовый поцелуй. И не мог ею напиться – то ли ядом она была, то ли нектаром. Смертным грехом или сладостью с примесью горечи... Какая разница. Умереть был готов за эти мгновения. Словно кандалами прикован к ней, ни освободиться, ни вырваться. Целовал ее властно, варварски грубо. Воздух ее воровал, всхлипы ее вдыхал, оставляя губами красные отметины. Каждый нерв его тела искрил и сгорал в этом безумном пламени страсти. Ощутил вкус крови на губах, когда рвал легкую ткань ее блузки, когда сдергивал зубами эту чертову заколку с ее волос.

«Моя, моя», – хлестала мысль его помраченный разум. «Моя». Вот так несомненно и непреложно.

Моя.

А потом яркий свет ослепил глаза, и все, что он помнил, это ее пронзительный крик и обжигающий холод в тех местах, к которым минуту назад она прикасалась.

– Бесстыдник! Убери от нее свои грязные руки!

Дед сжал кулак, собираясь его ударить, но Роман ловко увернулся. Любовь к Маргарите придавала ему силы, и теперь он точно знал, что больше никогда не потерпит побоев и издевательств деда.

– А ты, ты... Вертихвостка! – напустился на нее старик. – Мы приняли тебя в семью, выделили место за столом, а ты вот как отплатила нам за добро! Соблазнила собственного брата и чуть не переступила черту! Убирайся вон сейчас же! Чтобы ноги твоей не было в моем доме!

Он замахнулся, чтобы ударить ее, но Роман перехватил его руку и предотвратил удар. Время словно замедлилось, и он успел заметить на лице деда неподдельное удивление, которое быстро сменилось гримасой боли, – Роман так сильно сжал его руку, что у того хрустнули кости.

– Не трогай ее! – сказал он с угрозой в голосе.

– Замолчи, сморчок, иначе пожалеешь!

– Это ты пожалеешь, если хоть пальцем к ней прикоснешься. Я больше не тот запуганный и затравленный мальчик, которого можно было унижать и морально, и физически, – яростно выпалил он и с презрением отпустил его. – Мальчик давно вырос и теперь может дать отпор. Да и ты уже не в форме, дедуля.

Этот поганый старик, видимо, ожидал увидеть перед собой забитого молодого человека,

не умеющего и двух слов связать. Не дождется. Он больше не проявит слабость! Все эти годы он таил в своей душе не страх, а злость. Именно это чувство подпитывало его, не давало сломаться. Злость помогла ему стать таким, каким он есть, и не прогнуться.

Теперь предстояло самое сложное – выстоять, добиться своего и заставить родных принять его выбор.

– Посмотрим, что скажет мальчик, когда останется без наследства, – невозмутимо сказал старик, но все-таки отступил. Какое-то время растирал руку и что-то бормотал. Роман обернулся к Маргарите, погладил ее по плечу и почувствовал, что она дрожит. Осторожно застегнул верхнюю пуговицу на ее блузке и спрятал за ухо непослушный завиток ее волос.

– Ничего не бойся, слышишь? И не плачь. Я все решу. Плевать, что скажут, на все плевать. Я ни за что не оставлю тебя.

Маргарита обвела пальцем его губы. Он увидел на его кончике свою кровь. Искусанные губы все еще кровоточили и зудели от недавних поцелуев.

– Они не смогут смириться. Они не примут это, – тихо произнесла она.

Роман протянул ей ладонь и Марго, немного помешкав, вложила в нее свою маленькую руку.

– Ты мне веришь?

Она обратила на него весь огонь своих колдовских глаз.

– Верю.

– Тогда ничего не бойся, – твердо сказал он и нахмурил брови. Сейчас или никогда. Он должен противостоять человеку, которого ненавидит всей душой, всем своим существом. Восемнадцать лет терпел этого деспота, сносил все издевательства над собой, матерью и отцом. Пора положить этому конец.

Тем временем дед подошел к камину, откупорил бутылку коньяка, который приготовил заранее, и сделал несколько глотков.

– Я тебя внимательно слушаю, – бесстрастно сказал дед, устроившись в кресле. Эта фраза прозвучала просто и буднично, словно речь шла не о его будущем, а о чем-то незначительном.

– Я женюсь на Маргарите.

На лице старика не отразилось ни единой эмоции. Было трудно понять, о чем он думает.

– Ты это серьезно, мальчик?

– Серьезно.

– Смелый, – ухмыльнулся дед и перевел презрительный взгляд на Маргариту. – Не думал, что ваша дружба зашла так далеко. Хорошо же ты поступила со мной, внученька! Не ожидал от тебя такой дерзости. – Он укоризненно покачал головой и снова взглянул на Романа. – А на тебя у меня были совсем другие планы. Мне нужен умелый делец, а не тряпка. Я закалял твой характер не для того, чтобы ты поддавался эмоциям и делал глупости, влюбляясь в милые мордашки.

– Можешь лишить меня наследства, если тебя что-то не устраивает, – уверенно сказал Роман и услышал испуганный вздох Маргариты.

– Не устраивает.

– Что ж, пусть будет так. Я женюсь на Маргарите или вообще не женюсь! Я не собираюсь жертвовать своим счастьем ради каких-то бумажек. И мне не нужно твое одобрение. Я уже все решил, просто ставлю тебя перед фактом.

Сказав это, он взял Маргариту за руку и направился к лестнице, кожей чувствуя

испепеляющий взгляд старика.

– Тогда убирайся из моего дома вместе со своей развратницей! – крикнул ему вдогонку дед.

– С удовольствием! – огрызнулся Роман, только ускорив шаг.

В спальне Маргарита со слезами на глазах наблюдала, как он швыряет вещи в чемоданы.

– Да кем он себя возомнил?! – бушевал Роман. – Думает, что с помощью своих денег может манипулировать нами! Хватит того, что он сломал жизнь моей матери... И твоей, кстати, тоже.

Маргарита опустила глаза. Ее мама предпочла жить отдельно от деспотичного отца, но хитрый старик все равно нашел способ насолить дочери, и в итоге молодая семья погрязла в долгах. Долгие годы ее родители отдавали деньги, едва сводя концы с концами. Только в их жизни началась белая полоса. Но случилась автокатастрофа, в которой Инна чудом осталась жива, однако жизнь ее уже была полностью искалечена. Маргарита попала в этот дом только благодаря тому, что в ее жилах течет кровь Вершинских. Правильно сказал дед. Только благодаря этому. Она жалкая иждивенка, которая не имеет права голоса. Не имеет права быть счастливой. А счастье ее заключается только в Романи... Но что же будет с матерью, если они сейчас сбегут из дома?

Он как будто почувствовал ее метания. Застегнул объемный чемодан, подошел к ней, крепко прижал к себе. Сейчас они были как одно целое. Маргарита выросла в каждый хрящик, в каждый сустав его тела. Невидимой нитью соединилась с его душой. Захочешь – не избавишься.

– Все наладится, родная, не переживай! Мы не бросим тетю Инну. В одном дед прав: он закалил мой характер, я не боюсь рисковать, не боюсь трудностей. Наоборот, они меня стимулируют. Иногда мне кажется, что я сделался жестоким. Может, это и к лучшему. Я уничтожу любого, кто захочет нам помешать!

– Меня пугают такие перемены, – честно призналась Маргарита и обняла его за талию. Его тело напряглось под ее ладонями.

– Другого выхода у нас нет. Если мы хотим быть вместе, мы должны стать сильными и идти до конца.

– Все так быстро произошло... Я собиралась выйти замуж за Нестора, а в итоге хочу сбежать отсюда вместе с тобой.

Роман сделал шаг назад и посмотрел на нее в упор.

– Ты жалеешь?

– Нет, – тут же отозвалась она и вздернула смоляную бровь.

– Хорошо. Тогда нужно подумать, что делать дальше. Предлагаю заняться этим прямо сейчас.

Маргарита кивнула.

Всю ночь провели в комнате, строя планы на будущее и обдумывая дальнейшие шаги. А потом просто болтали. Голова Романа лежала на ее коленях, а пальцы Маргариты путались в его темных волосах. Гладила его по голове и напевала колыбельную. Нужно было дождаться зари. Наступит завтра со своими хлопотами, тревогами и переменами. А пока они наслаждались покоем в этой черно-бархатной тиши, а луна с небес обливала их серебром.

Когда в окне засинел рассвет, а часы показали пять утра, в спальню ворвался разъяренный Станислав Игоревич. Роман впервые видел отца в таком состоянии.

– Что ты делаешь? – напустился он на него. – Ты понимаешь, что творишь?!

– Тебе уже донесли? Прекрасно. Меня избавили от ненужных объяснений.

Станислав Игоревич прямо зарычал от злости и, схватив Романа за плечи, начал бешено трясти его.

– Я не ожидал от тебя такого удара! Ты предал не только меня, ты предал память своей матери! Она пожертвовала собой ради тебя!

Роман вырвался и сердито свел брови:

– Ты ничего не путаешь? Когда она умирала, ты не отменил ради нее ни одной командировки! Ты позволил деду добить ее. Она умерла из-за тебя, слышишь? И если мой поступок причинил тебе боль, то я только рад! Потому что я ненавижу тебя так же сильно, как и деда!

– Господи! – Маргарита порывисто поднялась с постели и снова бессильно опустилась на нее, закрыв лицо руками.

– Значит, так. Я вызову машину, сегодня же поедешь в Москву и будешь учиться там! Я не позволю тебе совершить эту роковую ошибку. Не для того я терпел все эти годы упреки и унижения, чтобы наблюдать, как ты собственноручно разрушаешь свою жизнь!

– Значит, мое счастье для тебя всего лишь роковая ошибка?

Станислав Игоревич устало поморщился:

– Перестань! В мире много красивых женщин. Пойми, на ней свет клином не сошелся. К тому же, ты, видимо, забыл, что вы родственники. Только представь, какой резонанс в обществе вызовет эта связь! Это же подорвет репутацию Вершинских! Разгорится настоящий скандал!

– Мне плевать, что скажут в обществе.

– А мне – нет. Если нужно, я силой вытолкаю тебя из этой комнаты, но ты сделаешь так, как я говорю!

Станислав Игоревич твердым шагом направился к двери, на ходу доставая мобильный из кармана.

– Сейчас же вызову машину.

– Не утруждайся. Я сделаю это сам.

– Нет, не сделаешь!

Отец вышел из комнаты и повернул ключ в замке. Роман успел лишь бессильно ударить в дверь кулаком. Затем сел прямо на пол и, облокотившись о стену, закрыл глаза. Какое-то время в комнате висела тишина.

– Это все из-за меня, – услышал он тяжелый вздох Маргариты. – Не пожалеешь, если сегодня мы уйдем и навсегда порвем с семьей?

– Пусть все катится к черту, мне нужна только ты! – сказал Роман и внимательно посмотрел на нее. Маргарита была бледной, ее выразительные глаза блестели в свете ламп.

– Когда-нибудь они откроют дверь! – раздраженно бросил он. – Сейчас тебе нужно отдохнуть. День будет долгим.

Но она никак не отреагировала на его слова. Продолжала сидеть на кровати, сложив на коленях руки, и смотреть вдаль.

– Слышишь, как вороны каркают? – спросила она. – Хотелось бы мне однажды так же, как они, *улететь*...

Роман пересел на кровать и погладил Маргариту по плечу.

– Все будет хорошо. Засыпай, – сказал он.

Они легли в постель и замолчали. Несколько минут Роман глядел на нее сквозь дымку

сна, и сам не заметил, как задремал.

Через некоторое время, услышав странный шорох, Маргарита встала с постели. Дверь медленно открылась, и на пороге показался дед. Взгляд его глаз был таким пронзительно-холодным, что она вздрогнула от испуга. Явственно ощутила холод в области шеи и рук. Без Романа повсюду колючий холод. Даже в воздухе.

– Инна не сможет долго без лекарств, правда? – спросил он с мерзкой усмешкой и вышел в коридор.

До крови закусив нижнюю губу, Маргарита последовала за ним.

Это неправда. Маргарита не могла так подло поступить!

Но еще полчаса назад она смотрела Роману в глаза, прожигая дыру в сердце. С едкой улыбкой на губах швыряла в него колючие фразы. Каждое слово било как плеть и болью расплзалось по коже. А в горле застревали десятки фраз, которые он так и не смог произнести.

«Неужели для тебя это ничего не значило?» Этот вопрос был самым главным. Неужели можно так легко забыть те ночи, когда они, обнявшись, ложились в одну кровать? Когда сквозь дымку прозрачных штор глядели на тонкий серп луны.

Забыла. Выбросила из головы эти воспоминания, как ржавую банку. Оставила ему на память еще один шрам – глубокий и болезненный, который уже никогда не заживет и не затянется. Только с каждым годом будет все сильнее саднить и кровоточить.

«Ты за все заплатишь!» – в порыве ярости и в пылу обиды прошептал Роман. Как в тумане вернулся в комнату и швырнул в чемодан оставшиеся вещи. Напоролся пальцем на острый кончик булавки, но боли даже не почувствовал. Впервые за столько лет обрадовался оклику деда. Пришла пора покинуть ненавистный дом.

Сейчас, выезжая за ворота, он чувствовал лишь ожоги на теле от ее поцелуев. От прощального прикосновения ныли кости. Он сидел на заднем сидении автомобиля и даже не мог оглянуться, чтобы в последний раз посмотреть на предательницу. В ушах тяжелым молотом все еще стучали ее слова: «Это была шутка. На самом деле я люблю Нестора, и всегда любила. Прости».

Он убьет их обоих. Да, он приготовит им самую ужасную смерть, какая только есть на земле. Он придумает самые изощренные пытки, чтобы отомстить за эту боль. За темноту, которая поглотила душу. За раны, которые уже никогда не заживут.

Он уезжал из родного дома, подальше от тех мест, где ступала ее нога, где воздух был наполнен ее дыханием. Нечеловеческая ярость струилась по его венам и затмевала рассудок. Роман беспредельно злился на судьбу, на Маргариту, а больше всего на самого себя. Как он мог подумать, нет, как он мог вообще вообразить, что она полюбила его? Маргарита просто жестоко сыграла на его чувствах, выставила на посмешище! Слова деда, сказанные презрительным тоном, до сих пор разъедали память, как кислота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5qy>